

Драко

Дом престарелых

Научно–фантастический рассказ

МЫ С ТОБОЮ
В ЖЕЛЕЗНОЙ КОРОБКЕ,
И ДАВНО НЕ ЛЮБОВЬ,
ПРОСТО ЧЕМ-ТО
ПОХОЖИЕ ЛЮДИ.

ЗЕМФИРА

Пролог

Корабль покачивался на волнах лазурного моря. Люки были открыты, легкий ветерок гулял по отсекам, очищая их от запахов сотен человеческих тел. Почти все пассажиры уже сошли на берег, с облегчением покинув звездолет, служивший им домом почти восемь месяцев; в главном салоне остались лишь двое парней, спешивших закончить партию в бридж, да пожилой мужчина с гривой седых волос. Он задумчиво глядел в иллюминатор и, казалось, чего-то ждал.

Когда пассажиры и толпа встречающих разошлись, металлический трап жалобно звякнул под тяжелыми шагами людей, уверенных в своей силе. В салон вошли четверо, огляделись и быстро окружили седого мужчину. Парни, игравшие в бридж, как-то незаметно оказались рядом.

– Добро пожаловать на Трою, сэр, – один из гостей резким жестом отдал честь.

– Как прошел полет?

Седовласый встал, потянувшись так, словно он все восемь месяцев не покидал своего кресла.

– Не о чем вспоминать, – ответил коротко. – Идемте.

Семь человек направились к трапу. Седой мужчина шел неторопливо, слегка припадая на левую ногу, но в каждом его движении чувствовалась скрытая мощь. Сила окружала его невидимой аурой, плескалась в глазах.

Все молчали, пока не дошли до уродливой гусеничной машины с гербом внутренних войск на борту. Лишь внутри, закрыв дверцу и усевшись на мягкий кожаный диван, седовласый разорвал тишину:

– Докладывайте.

Ответил офицер в серо–зеленой форме, сидевший напротив.

– Дело плохо, сэр. Все подтверждается. Сегодня, вместе с вами на корабле прибыли эксперты ЭКОН– а. После первого же сеанса связи, Земля узнает о находке. Эти эксперты... – офицер покачал головой. – Сэр, мы сделали все, чтобы сюда прислали наших людей, но потерпели поражение. ЭКОН что-то подозревает.

Седой заложил ногу за ногу.

– Я познакомился с их сотрудниками в полете.

Офицер встрепенулся:

– Ваше мнение?

– Полагаю, Земле уже многое известно, – седовласый сцепил пальцы на колене.

– Но подробностей там знать не могут. Визит экспертов – блеф, они должны отвлечь наше внимание от настоящей опасности. Следует бросить все силы на поиск тайных эмиссаров, которые попытаются войти в контакт с аборигенами за нашей спиной.

Офицер покачал головой.

– Сэр, мы полностью контролируем флот. Ни один корабль...

– Разве я сказал, что Земля пришлет эмиссаров? – мягко прервал седой. – Напротив, я уверен: они используют агентов, уже находящихся на Трое. Их ментально проинструктируют, и мы не сумеем этому помешать.

Он поднял взгляд.

– Следует усилить надзор за популяцией. Думаю, вы не хуже меня знаете, что произойдет, если хоть один агент успеет доложить Земле о находке.

Ответом было красноречивое молчание. Седовласый некоторое время разглядывал сказочно яркий пейзаж за окном.

– Мы на грани гибели, – сказал он наконец. – И грань чертовски тонкая. Едем в штаб.

Вездеход вздрогнул, шевельнулся и с утробным рычанием пополз вдоль прекрасного берега лазурного моря.

Черный слизень по телу единорога.

Старая кляча – это первое, что пришло на ум Игону, когда он увидел свою будущую спутницу. Подойдя ближе, Игон был вынужден признать, что поспешил: не такая уж старая. Лет девяносто – сто десять на вид. Кляча была высокой, даже скорее долговязой, с выдающимися скулами и маленькими пирамидками груди под нелепым серо–зеленым комбинезоном. Короткие рыжие волосы щеткой и узкие азиатские глаза довершали портрет, мягко говоря, не самой привлекательной женщины из знакомых Игону. Но тут...

– Я Глен, – представилась она, улыбнувшись безукоризненной голливудской улыбкой.

Такое несоответствие на миг выбило Игона из колеи.

– А... – он спохватился. – Прошу прощения. Игон, геолог. А вы, надо полагать...

– Лингвист, – Глен присела в шутовом реверансе.

Они помолчали, разглядывая один другую. Игон вспомнил последнюю женщину, с которой он имел связь – много лет назад, на Венере – и содрогнулся, представив на ее месте эту долговязую кобылу. А ведь экспедиция продлится долго... Она может и попытаться...

– Нам предстоит провести вместе много времени, – Глен словно читала его мысли. – Если что-то не так, лучше скажите сейчас.

– Нет, нет, все в порядке! – Игон поспешно улыбнулся. – Просто я очень устал, пока сюда добирался.

– Да– а? – протянула девушка. – Для геолога вы не слишком-то выносливы, а? Игон родил на свет бодрый смешок.

– Там, куда мы летим, я стану втрое сильнее, – пошутил он.

Глен, вздохнув, молча кивнула на клеть. Игон последовал за своей новой напарницей, помог ей опустить ржавую решетку. Клеть с урчанием нырнула в темноту.

Некоторое время они просто стояли у перил, глядя, как ввысь уплывают крепежные балки. Игон поймал себя на желании смотреть куда угодно кроме лица Глен, и решил бороться; но, обернувшись, встретил понимающий взгляд.

– Не стесняйтесь, – коротко сказала Глен. – Я давно привыкла.

– Э– э... – геолог не нашел подходящего ответа и поспешил сменить тему. – Давно вы на Трое?

– Я здесь родилась, – Глен пожала худыми плечами.

Игон удивленно моргнул.

– Но Тройю открыли всего тридцать два... – он запнулся и мысленно обозвал себя ослом. Глен улыбнулась.

– Мне двадцать девять.

– М– м– м... А мне девяносто шесть, – Игон сумел наконец перевести разговор. – Я родился на Марсе, отсюда и некоторый... Недостаток выносливости, – он хохотнул.

– Выглядите моложе, – заметила Глен.

Клеть уже опустилась на дно шахты; девушка подняла решетку и уверенно направилась к челноку, сверкавшему меж рельсов электромагнитной катапульты.

– Все давно погружено, я ждала вас вчера.

Игон смолчал и принялся за проверку показаний диагностического экрана, светившегося возле люка. Пока он этим занимался, Глен отсоединила от корабля питающие кабели и забралась в кабину.

– Запасы кислорода удвоены? – спросил Игон. – Почему?

Из корабля донесся едкий голос:

– Моя личная инициатива.

– Но какой в этом смысл? – геолог нервно усмехнулся. – Мы же не планируем сидеть на спутнике месяцами!

Глен развернула кресло и уставилась на Игона.

– Воздух не бывает лишним, – сказала она после паузы. – Никогда.

– Нам предстоит взять на борт много образцов горных пород, – Игон постарался скрыть раздражение. – Лишние кислородные баллоны – это лишняя тонна, которую мы не можем себе позволить. Выгрузите излишек воздуха.

– Нет, – спокойно отозвалась Глен. – Если потребуются, выгрузим баллоны на спутнике.

– Послушайте! – Игон возмутился. – Этой экспедицией командую...

– Какой у вас допуск? – сухо оборвала девушка.

Геолог запнулся.

– Допуск? Мю– 4.

– У меня гамма, – она похлопала себя по плечу. – Так что, не вы. Уж простите, – Глен усмехнулась. – А вам, значит, сказали, что мы летим за образцами горных пород?

Игон отпрянул. На миг у него родилось сильное желание отказаться от полета прямо сейчас, но он поборол малодушие. Подумать только, двадцать девять лет – и гамма– допуск. Женщинам всегда легче взбираться по карьерной лесенке, даже таким, как Глен...

– Мне сказали, что на спутнике Трой спектродологи обнаружили следы редких металлов.

Глен вздохнула.

– Там обнаружили разум, – сообщила она. – Разумных аборигенов. Мы летим устанавливать с ними контакт.

Игон ощутил, как все его немногочисленные волосы стремятся в небо.

– Но... – он сглотнул. – Почему мы?!

Девушка пожала плечами.

– Потому, что в этой звездной системе мы единственные эмиссары Экологического Контроля. Так вы летите или нет?

Помолчав, Игон заставил себя кивнуть и забраться в кабину. С шипением опустился тяжелый люк.

Снаружи послышался низкий, грозный гул сверхпроводящих обмоток.

– Стоять! – окрик раздался прямо над нами. Бист сорвался со скалы, я едва успела схватить его за ногу. В груди родилась эмоция: гнев. Я напрягла разум, пытаюсь погасить опасное возбуждение.

– Мы висим над пропастью, -заметила я. – Здесь негде стоять.

Бист раскачивался над бездной, слабый ветер шевелил его волосы. На такой высоте даже мне было трудно дышать. Лучи солнца, преломившись в атмосфере Матери, красили скалы в пурпур, зрелище отличалось красотой и помогало успокоиться. Взвесив нелогичность приказа "стоять", я осознала свое интеллектуальное превосходство над противником и гнев окончательно растаял. Гневаться следует лишь на равных.

– Кто вы? – спросил страж.

– Беженцы с юга, – подал голос мой партнёр. – Мы безоружны и несчастны.

Пауза.

– Поднимитесь на площадку перед стеной, только медленно!

Я забросила Биста на ровную горизонтальную скалу, куда мы и направлялись, забралась туда сама, сложила крылья и пару раз медленно повернулась на месте, плотно сжав челюсти в знак мирных намерений.

– Кто вы такие?! – в голосе стража прозвучал ужас. – Что вы за существа?!

Странно. О нас даже не слышали. Это резко осложняло обстановку и бросало определенный вызов интеллекту.

– Мой опознавательный звук Яхтырлы, – представилась я. – Это партнёр, Бист. Мы принадлежим к виду аракара, на вашем плато не водимся.

Я уже разглядела врагов. В скале были пробиты бойницы, откуда в нашу сторону смотрели наконечники стрел, за ними в темноте угадывались золотисто-зеленые глаза зрачкового типа. Вспомнив рассказы матери, я пришла к выводу, что мы напоролась на заставу горного племени уанка, относившегося к семейству нгминид верхнего яруса псевдоразума. Плохо. Чем меньше разума у нгминиды, тем большей агрессивностью он обладает.

– Вы из одного рода? – недоверчиво спросил голос. – Но у тебя шесть ног, а у второго восемь!

Бист ответил сам:

– Наши самцы не имеют крыльев, – сообщил он стражу, – А самки не могут самостоятельно питаться.

– Вы эти... как их... насекомые?!

– Нет, мы близкие родичи пауков, – я скрестила передние руки перед челюстями.

В недрах горной крепости воцарилась тишина. Время тянулось медленно. Ближился закат, солнце уже скрылось за Матерью, окрасив небо мириадами оттенков пламени. Как всегда, с приходом ночи ветер крепчал, и сегодня его унылый голос, казалось, жаловался на одиночество и печаль. Я отрешенно подумала, что будет глупо и нелогично умереть в такой день.

Мы с Бистом молча ждали решения нашей судьбы. Мысленно я искала поведенческую тактику, дающую шансы уцелеть под стрелами из бойниц, но перспективы не радовали. Вопреки логике я продолжала размышлять; мы проделали долгий путь, избежав многих опасностей, и было бы оскорбительно потерпеть поражение столь близко от цели.

Наконец, из-за стены донесся другой голос:

– Чем вы питаетесь? – говоривший явно нервничал.

– Только растительной пищей, – сообщила я. – В отличие от большинства пауков, мы не хищники.

– И не умеем плести паутину, – добавил Бист.

Молчание.

– Что вам здесь нужно?

– Мы не собирались нарушать ваши границы, – устало ответила я. – Мы беженцы. Наше гнездо было уничтожено извержением вулкана, нам едва удалось спастись. Просим разрешения пересечь ваше плато в любом, удобном для вас месте.

Бист добавил:

– Мы не причиним никому вреда, нас только двое.

Вновь воцарилась тишина. Порыв ветра донес запахи уанка, притаившихся в крепости. Пахли они неприятно, как и все млекопитающие, но в данном случае к природной вони примешивался отчетливый аромат страха. К счастью, Бист никогда не изучал млекопитающих, поэтому запахи ничего ему не сказали; я же приготовилась к худшему. Псевдоразумные, особенно нгминиды, едины в реакциях на то, что их страшит.

– Мы должны посоветоваться, – наконец, сообщили из-за стены. Я опустилась на камни и сложила ноги пирамидкой над телом, Бист влез мне на спину.

– У вас не найдётся немного травы? – попросил он. – Мы умираем от голода.

Пауза.

– Хорошо, траву вам дадут. Но не пытайтесь приблизиться! Или будете убиты!

– Мы видим, – глухо сказала я, боковым зрением наблюдая за подготовкой к выстрелу примитивной катапульты на вершине соседней скалы.

Бист обнял меня вторыми руками и коснулся химических рецепторов под грудной пластиной.

"Что думаешь?" – спросил он.

"Катапульта однозарядная, работает по принципу высвобождения энергии скрученного волокна", – просигналила я. – "Опасности не представляет. Стрелы из бойниц опасны для тебя, однако я сомневаюсь, чтобы они пробили мой панцирь."

"Почему ты не захватила оружие, почему!"

"Ангар сгорел первым!" – оборвала я. – "Ты же видел, как он взорвался."

"Вся моя работа... Мои исследования... Все погибло..."

"Ты пока дышишь" – успокоительно заметила я. – "Втяни брюхо, от тебя уже эмоциями пахнет."

Бист нервно пошевелил задними ногами.

"Если с нами говорили млекопитающие, они станут стрелять. И будут целить в глаза!"

"Ты жжёшь мне рецепторы" – недовольно просигналила я. Бист немедленно убрал руки.

Тем временем, томительное ожидание подошло к концу. Из бойницы вылетел комок травы и шлёпнулся недалеко от нас. Бист с радостным шипением прыгнул вперёд, ухватил пищу и стремительно проглотил. Довольно покачиваясь, он вернулся ко мне и забрался на спину.

"Вкусно!" – сообщили рецепторы, едва Бист до них дотронулся. Я чавкнула.

"Между прочим, я тоже голодна".

"Сейчас, сейчас..." – он тщательно перемалывал траву зубчиками ротовой полости. Наконец, доведя пищу до нужной мягкости, Бист широко развел челюсти и опустил голову навстречу моему лицу. Трава и правда была вкусной.

Тем временем на каменной террасе, чуть в стороне от нас, раскрылась небольшая дверца и наружу выбрался местный обитатель. Уанка оказались значительно меньше нас размерами, с четырьмя волосатыми конечностями и относительно крупной округлой головой. Внешние органы слуха напоминали две полуокружности, симметрично расположенные по бокам черепа, глаз было только два, как и у всех млекопитающих, тело покрывала серо–бурая кудрявая шерсть, хвоста или хобота не имелось. Вокруг тазовой области уанка было обернуто примитивное одеяние из растительной ткани; отсюда я сделала вывод, что аборигены обладают уязвимыми половыми органами.

– Вас не пропустят! – крикнул страж. – Убирайтесь обратно в море!

– Мы не из моря, – терпеливо ответил Бист. – В море обитают только наши дети.

Уанка так раскрыл глаза, словно я прыснула ему кислотой в лицо.

– К– какие дети? – пробормотал он.

– Вы должны их знать, – я неодобрительно царапнула скалу задними ногами. –

Морских богов знают все!

"Не увлекайся" – предупредил Бист. – "Если они решат, что мы опасны..."

"Мать рассказывала о культуре уанка" – возразила я. – "Они поклоняются зганам, считают их богами воды."

"Богами?"

"Это понятие присуще только стадным видам псевдоразумных..."

Пока мы обменивались сигналами, уанка скрылся в башне и вновь потянулось ожидание. В этот раз ждать пришлось гораздо дольше, но результат того стоил: на каменную террасу выбралась целая делегация во главе с обнаженным самцом, у которого вся шерсть на голове и в паху была тщательно выбрита. На груди он носил бронзовую пластину с выштамповкой, отдаленно напоминавшей молодого згана.

– Кто вы, говорите, кто вы, излагайте!!! -завопил лысый уанка.

Я повторила нашу историю. Абориген затрясся.

– Аракара? Аракара– самун? Тьон аракара?

– Да, самец и самка аракара, – ответила я на родном языке, слегка удивленная знаниями уанка. Впрочем, его знания, видимо, этими словами и кончались. Сцепив длинные верхние конечности за головой, уанка опустил на колени, прижался лбом к скале и быстро зататорил:

– Простите этих воинов, божественные, они глупы, неразвиты и плохо пахнут. Я жрец, я носитель знания, я не осквернен. Я достоин говорить с вами?

– Говори, – позволила я.

– Отец и мать! – уанка вскочил, потрясая конечностями. – Вы явились! Было сказано: в зеленый день придут отец и мать! Было сказано?! – с этими словами он так пнул соседнего аборигена, что тот едва не свалился в пропасть.

– Истинно... – пробормотали все уанка, поспешив отодвинуться от жреца.

– Кто скажет, что вокруг не зеленый день? Кто скажет? Кто это скажет?!

"Они дальтоники?" – безмолвно поинтересовался Бист. Я легонько сжала его ногами, призывая к вниманию.

"Уанка не различают цветов. Этот абориген пытается извлечь выгоду из нашего появления", – просигналила я. – "Будь осторожен. Возможно, придется прыгать."

"Ты не удержишь нас в воздухе! Здесь слишком низкое давление!"

– Хватит ныть! – прошипела я вслух. Бист умолк. Тем временем уанка закончил визжать и вновь обернулся ко мне:

– Ты мать или отец, о божественное существо?!

– Я самка.

– Истинно... – пробормотал жрец. – Ваше появление было неизбежно! Не– из– беж– но! Как вода!

– Вода? – переспросил Бист.

Уанка энергично затряс головой.

– Да, да, да! Вода с неба – боги в море – отец и мать богов здесь!

– Мы с Яхтырлы еще не спарива... – Бист запнулся и скрутил ноги в агонии боли, поскольку я укусила его за челюсть. Уанка отпрянули, глядя на нас широко раскрытыми глазами.

– Он хотел сказать, что мы еще не спаривались в горах, – пояснила я. – Вот ему и не терпится. Вы же знаете, все самцы думают об одном и том же... Приходится успокаивать.

Жрец с готовностью принялся хохотать, ему вторили воины. Я указала передней рукой на стену.

– Вы пропустите нас к морю?

– О, божественная! – жрец подскочил. – Ты должна нам помочь! Так было сказано! Ты пришла в зеленый день!

Я крепче сжала Биста задними коленями на случай, если придется прыгать.

– Чем я могу помочь?

Жрец обхватил себя за плечи.

– К нам прилетели чужаки. Оттуда, – он упал на спину и указал обеими ногами на гигантский диск Матери, пламеневший в лучах заходящего солнца, затем проворно вскочил. – Они говорят плохо, но понятно. Говорят, что хотят дать нам много подарков и знаний. Просто так! В этом их вера, говорят.

Жрец злобно оскалил зубы.

– Нам не нужна чужая вера, – прошипел он. – У нас есть боги, они обитают в большой воде. Они разгневаются на нас. Они накажут нас. Они истребят нас, сожрут нас, лишат нас детей и женщин! Скажи, это так?!

На миг задумавшись, я быстро просчитала верную поведенческую тактику.

– Да, ты прав, – я грозно распахнула крылья и открыла шипы на всех ногах. Уанка отпрыгнули, многие завизжали.

"Что ты делаешь?!" – в панике просигналил Бист. – "Они нас расстреляют!"

"Молчи и слушай", – я принялась медленно раскачиваться, имитируя танец перед половыми играми. Аборигены, как я и предполагала, ничего не поняли.

– Да! Да! – жрец вцепился себе в шерсть. – Я говорил! Я говорил, а меня не слушали! Но теперь меня все станут слушать, да? Теперь в меня никто не бросит калом, да? Да! Теперь так!

Он спрыгнул с террасы и бесстрашно подбежал ко мне.

– Божественная! Ты должна прогнать чужаков. Они не уходят уже много дней. Они лгут, будто другие чужаки сломали их небесную лодку. Я чую ложь! Я не осквернен! Ты прогонишь?

Я молча посмотрела назад. Пропасть была глубока, а давление воздуха на такой высоте не позволит мне летать. Если мы прыгнем, Бист погибнет, а я сломаю все ноги и тоже погибну, только медленно. Битва с уанка принесет смерть Бисту и тяжелые увечья мне.

Не самый богатый выбор.

"Что будем делать, божественная?" – ядовито просигналил Бист.

Я перевела все шестнадцать глаз на жреца и нехотя скрестила передние руки под грудью.

– Где ваши чужаки?

Игон с тоской смотрел на небо. Там, всего в двух световых секундах, чудовищным диском светило спасение. Так близко... Казалось, до Трои можно дотянуться рукой, стоит лишь встать на цыпочки. Невозможность вернуться сводила с ума.

Респиратор натер кожу до волдырей. Иногда Игон снимал его, задыхался несколько секунд и вновь надевал, прежде чем кислородное голодание становилось опасным. По крайней мере, температура здесь, в горах, была терпимой; не то что

внизу, у побережья, где человек мог свариться за сутки. Проклятый парниковый эффект... Первые исследователи, будь они неладны, замерили уровень солнечной радиации, провели съемку с орбиты и пришли к выводу, что белковые организмы на спутнике Трои не протянут и часа. Да и кого волновал этот маленький вонючий шарик, затянутый хлорными тучами, где ядовитая вода шипит в лужах словно кола, поскольку углекислого газа здесь впятеро больше, чем кислорода? Открытие Трои, подлинного рая, вдобавок начисто лишено разумных аборигенов, на долгие десятилетия отвлекло внимание от спутника.

Знали бы они...

Игон обернулся, еще раз окинув взглядом каменную крепость уу– ан'кха. Месяц назад они с Глен считали, что им страшно повезло отыскать это селение. В самом деле, уу– ан'кха строили свои замки так, словно специально стремились избежать обнаружения с воздуха. Этому наверняка была причина – летающие хищники или религия... Но теперь мастерство уу– ан'кха обрекало людей на долгую, мучительную и – самое страшное – бессмысленную смерть.

Игон смачно выругался, забыв, что коммуникатор включен. Голос Глен в наушниках заставил его вздрогнуть:

– Что случилось?

– Ничего, – Игон опустил голову. – Я смотрю на Трою.

Глен помолчала.

– Я распаковала новый фильм, – сказала она после паузы. – 22 век, Гершвин, комедия. Хочешь посмотреть?

Игон криво усмехнулся, поморщившись от боли в натертой респиратором коже.

– Спасибо, не надо.

– Это отвлечет...

– От чего?

Он повернулся и с силой оттолкнулся от скалы, взмыв к небу. Гравитация здесь даже меньше, чем на Марсе. Удивительно, как сохраняется столь плотная атмосфера.

Чуть согнул ноги, ожидая удара. Привычные к таким прыжкам мышцы не подвели, приземление прошло удачно. Глен как ошпаренная выскочила из палатки:

– Дурак, что ты делаешь?! – она подбежала к нему, схватила за плечи. – Спятил?

За две секунды тебя разгонит так, что ноги сломаешь!

– Я с Марса, – Игон резко стряхнул её руки.

– Не похоже!

– Оставь меня, – он отвернулся и залез в палатку.

Глен постояла у полога. Игон слышал её тяжелое дыхание, к которому примешивался посвист респиратора и слабое шипение углекислотного фильтра. Эти звуки сводили с ума. Вонь хлорных испарений сводила с ума. Бездна сводила с ума. Зачем они мучают и себя, и аборигенов? Этот маленький жрец столько раз требовал их смерти... Все равно воздух кончится через месяц.

О, небо, еще месяц в респираторе!

Злые слезы оставляли на щеках мокрые полоски и немедленно испарялись с легким шипением газированной воды. Проклятая хунта, проклятый генерал, проклятая планета! Земля и так уже знает об уу– ан'кха! Зачем они взорвали челнок? Зачем лгут землянам, будто ищут пропавших эмиссаров? Через семь месяцев до Трои долетят звездолеты Экспедиционного корпуса, и генерал пожалеет что родился на свет! Так почему бы ему не облегчить свою участь? Почему бы не спасти тех, кого он обрек на гибель? Что он пытается скрыть, какую тайну нашли его псы в этом проклятом, пропахшем тухлыми яйцами мире?

– Глен, – позвал Игон.

Она сразу вошла и уселась на матрац.

– Ну, как ты?

– Лучше, – он утер слезы. – Давай вызовем Трою. Они не посмеют убить нас.

– Игон, – Глен устало вздохнула. – Сколько раз можно обсуждать одно и то же?

– А что ты предлагаешь?! – взвился он. – Сидеть здесь, пока не задохнемся?!

Глен кивнула.

– Ждать до последнего. Вызвать Трою мы всегда успеем.

– Ждать... – сквозь зубы процедил Игон. – Чего ждать? Спасателей? Которые придут сюда через шесть месяцев после нашей смерти?

Он вскочил.

– Нет, я вот что скажу. Мы вызовем Трюю, а сами спрячемся в скалах. Когда они прилетят, мы захватим челнок, заставим их приземлиться на космодроме, пробьемся в корабль и улетим!

Глен даже отвечать не стала. Просто передвинулась ближе к Игону и попыталась его обнять. Геолог отпрянул.

– Не надо.

– И долго ты будешь сопротивляться? – сухо спросила Глен. – Я ведь не железная.

– Я не люблю женщин.

– Мужчин здесь нет, – Глен раздраженно передернула плечами. – Ты тоже не самый привлекательный самец из виденных мной, но нам необходимо сбросить напряжение, пока оно не переросло в агрессию.

Игон покачал головой.

– Я не могу. Женщина, ну пойми, я просто не могу. У меня есть муж.

– Ты нарушаешь устав, – заметила Глен. – В законе есть четкие указания по поводу отношений внутри длительных разнополюх экспедиций.

Игон взорвался:

– С*** я хотел на устав! Мы скоро погибнем, ты что, забыла?! Не отравляй последние дни своей... Своей течкой!

Глен молча встала и вышла из палатки. Игон некоторое время смотрел ей вслед, затем рухнул на матрац, содрогаясь от истеричного плача.

Он долго лежал в одиночестве, слушая шипение своих слез и сводящий с ума посвист респиратора. Черная тоска с каждым часом становилась сильнее. Игон уже почти довел себя до решения обмануть Глен, когда ее голос заставил его утереть слезы и выбраться из палатки в ненавистный красноватый сумрак.

– Нам ведут новых зверей на завтрак, – заметила девушка.

Игон мысленно перечислил всех предков местного вождя, начиная с кишечных паразитов.

– Глен... Прости.

– Да пошел ты.

Он вдохнул вонючий респираторный воздух.

– Ты уверена, что правильно усвоила их карканье?

Она протерла воспаленные от хлорных паров глаза.

– Я им уже сто раз переводила: мы не можем есть их пищу. Они поняли.

– Сомневаюсь, – Игон кивнул на странную процессию, входящую в крепостные ворота. – Опять тащат зверей на убой. Чертовы дикари!

Глен содрогнулась.

– Таких мерзких тварей еще не было...

К палатке шли более десятка уу– ан'кха во главе с противным лысым жрецом. Аборигены, по меркам людей, не отличались красотой: коротконогие круглоухие увальни с необычайно тупой мордой, чем-то похожие на помесь свиньи и медвежонка, только без грации, присущей земным зверям. Тела их покрывала серо– бурая шерсть, до того похожая на баранью, что при первой встрече Игон даже принял их за детенышей местного варианта архаров. Взрослые уу– ан'кха достигали метра в высоту, самки были гораздо меньше.

В середине процессии, окруженные лучниками, семенили два омерзительных паука размером почти с человека. Вернее, твари напоминали помесь тарантула с крабом: мощные тулова, покрытые желто– оранжевой хитиновой шерстью, вытянутые хищные головы, усыпанные глазами, крупные челюсти, пластинчатый панцирь, шипы на всех ногах. А ноги, сильные, волосатые, длиной значительно превосходили тело и возвышались суставами почти на два метра от земли.

Пауки двигались с удивительной легкостью и грацией. Один из них был заметно крупнее другого, обладал короткими полупрозрачными крыльями ослепительно– салатового цвета и шестью шипастыми ногами. У второго, восьминогого, крыльев не было, зато все глаза и задняя часть туловища отливали пурпурно– красным.

– Странно, -заметила Глен. – Обрати внимание на бескрылого. Точно такие твари, только белые, обитают на Трое, вблизи экватора. Они там буквально кишат, охотникам придется долго работать, когда начнется заселение экваториальных материков. Панспермия?

– Не знаю... – Игон смотрел, как уу– ан'кха угрожающими жестами подгоняют пауков ближе. – Они что, полагают мы станем ЭТО есть?!

– Крабов на Земле едят.

– Это не крабы!

– Ну, похожи ведь? – Глен издала бодрый смешок.

Игон смерил ее испепеляющим взглядом.

– Лингвист, лучше объясни нашим братьям по разуму, что мы не принимаем подарка. А то этих зверьков зарежут и подадут нам на бронзовой тарелке.

Глен неуверенно шагнула вперед и заговорила на местном каркающем языке.

Из всего многодневного пути, который мы с Бистом проделали после катастрофы, самой короткой и неприятной частью оказались последние десять нешг. Двигаться по непроходимым ущельям и замерзать в тенях было легче, чем терпеть рядом толпу уанка во главе с лысым жрецом. К счастью, крепость, где поселились чужаки, находилась недалеко от горного поста, где уанка встретили нас. Иначе, я строю гипотезу, либо мы с Бистом, либо лысый жрец, послужили бы причиной битвы.

Чужаков я заметила издали и пришла в выводу, что это млекопитающие родственного уанка вида. Они были значительно крупнее, но сходного телосложения. И так же носили одежду, хоть и более совершенную, чем у аборигенов.

Обнаружив рядом с пришельцами небольшое раскладное гнездо из пластика или органического волокна, я ощутила в себе серьезную интеллектуальную головоломку. Чужаки с полной очевидностью не являлись обитателями нашего мира, однако предметы, которые они использовали, не могли быть произведены зганами. Возникал закономерный вопрос: как они сюда попали?

Решение задачи вызвало эмоцию тревоги, которая, в свою очередь, разбудила мирно спавшего на моей спине Биста. Всполошившись, он сдавил меня всеми ногами.

"Что случилось?!"

"Ничего важного. Спи."

"Мы дошли?" – последнее время Бист проявлял излишнее любопытство. – "Где чужаки? Вот эти?"

Я недовольно царапнула его задним левым шипом.

"Да, эти. Глупость твоих вопросов меня раздражает."

Бист не пожелал заметить намек.

"Опять млекопитающие," – возмущенно просигналил он. – "Какое нам дело до проблем млекопитающих?"

Я молча стукнула его по голове и Бист наконец умолк, а я смогла прислушаться. Один из пришельцев, путая слова, пытался объяснить уанка, что им не нужен подарок. Видимо, подарком они считали нас.

– Вы должны уйти, – сказала я, отчетливо выговаривая каждое слово. – Вы нежеланные гости. Уанка в тревоге.

Пришельцы, особенно тот, чья голова была почти лишена волос, явно запаниковали. Я терпеливо ждала, пока они опомнятся.

– Т– ты... говорить?! – спросил наконец высокий рыжеволосый чужак.

– Мы принадлежим виду аракара.

Оценив состояние пришельцев, я добавила:

– Мы не звери. Мы обитатели южных равнин.

– Мать и отец! -завопил жрец уанка. – Пришел зеленый день! Они прогонят!

Я резко обернулась к аборигену и зашипела.

– Молчи! Больше не говори! Совсем!

Перепуганный жрец юркнул за спины сородичей. Я вновь обратила глаза к чужакам.

– Вы из космоса?

Те обменялись фразами на своем языке.

– Космос... Что значит слово?

Бист ткнул задними руками в небо.

– Оттуда?

– Да! – обрадовался рыжеволосый. – Мы лететь сюда... Для подарок... Наш враг ломать наш лодка.

Я смерила гостей оценивающим взглядом.

– Где ваша лодка?

– Она... Гореть... – им явно не хватало слов. – Совсем гореть.

– Вы не можете вернуться?

Пришелец задергал головой из стороны в сторону.

– Не можем!

Я подняла передние руки, давая знать что все ясно. Обернулась к уанка:

– Их космический корабль уничтожен. Они хотят уйти от вас, но не могут. Мы поможем им вернуться в небо, если вы поможете нам добраться до залива Гер.

Старший уанка с огромным облегчением обхватил себя за плечи.

– Да! Мы рады помочь богам. Дадим много травы и мяса! Укажем короткий путь! Уходите прямо сейчас? Да? – в его голосе прозвучало столько надежды, что Бист издал презрительное шипение.

Я сцепила передние руки под грудью:

– Да, мы уходим сейчас. Вместе с чужаками. Принесите корзины с травой и еду для чужаков.

Из-за спины вождя выглянул жрец.

– Они хитрые... – прошептал он. – Знают, что я насыпал яд в мясо. Ничего не едят!

Бист затрясся от беззвучного смеха. Мне было не до веселья. Эти пришельцы свалились неожиданным грузом, и могли оказаться опасны. Путь до залива долгий, кто знает, что придет в головы двум млекопитающим с другой планеты? Логично было бы избавиться от них при первой возможности, но я чувствовала странную тревогу. Это не была эмоция: просто от меня пахло предчувствием. Запах даже Бист ощутил.

"В чем дело?" – спросил он серьезно, дотронувшись до рецептора под грудью.

"Они сказали, что прилетели с Матери" – я обратила к Бисту седьмой правый глаз. – "Либо они лгут, либо случилось то, чего давно опасались зганы."

"Объясни..."

"Мать закрыта для иммиграции, ты же знаешь."

"Знаю, конечно."

"Если они не лгут, то возможны две гипотезы: их вид самостоятельно развился на Матери в процессе эволюции, либо они прилетели сквозь обычное пространство на

механическом аппарате. Их слова о космическом корабле подтверждают вторую гипотезу."

Бист недоверчиво прижался к земле.

"Корабль? Обитаемый корабль? Это смешно! В космосе опасно, скорость полета слишком мала! Даже грузовые корабли зганов считаются наиболее примитивными из..."

"Тогда объясни, почему они не могут покинуть уанка?" – оборвала я. – "Сомневаюсь, чтобы их груз был столь ценным."

"А я их спрошу!" – огрызнулся Бист. Так он и сделал.

Пришельцы явно не понимали, что происходит. Бисту пришлось долго размахивать руками, объясняя суть своего вопроса. Пока он занимался бесполезным сотрясанием воздуха, я наблюдала за уанка.

Те уже наполнили большую корзину сочной свежей травой, и сейчас несли вторую. Я тщательно принялась, но не обнаружила следов яда. Что ж, тем лучше для лысого жреца.

Оценив вес корзин с пищей, я украдкой взглянула в сторону партнера. Бисту придется шагать на своих восьми... Выдержит ли он путь до залива? Я привязалась к этому самцу, и не хотела бы искать другого, когда наступит время половых игр.

Они шли много дней. Желтая паучиха с непроизносимым именем "Яхтырлы" казалась совершенно неутомимой, а вот ее сородич постепенно сдавал. Вечерами, на стоянках, Глен часто наблюдала, как Яхтырлы нежно массирует ноги второму пауку, бессильно лежавшему на камнях.

Сама Глен, в отличие от Игона, почти не уставала; сказывалась небольшая гравитация. Местность была каменистой, безрадостной. Даже трава на этой планетке пряталась от неба: в растительности преобладали серый и темно– фиолетовый цвета. Более мрачного, унылого мира, люди не встречали за многие годы работы в космосе.

Их спутники не отличались разговорчивостью. У аракара, очевидно, был способ незвукового общения друг с другом, а людей оба инопланетянина воспринимали как досадный балласт. Иногда Глен задумывалась, зачем они с Игоном последовали за пауками к неизвестному заливу? Ради чего? Уу– ан'кха, по крайней мере, были млекопитающими, их вид не вызывал омерзения. А эти... Чужаки...

Даже Игон не любил смотреть, как едят их новые спутники. Меньший паук, по кличке Бист, пожирал траву целыми копнами, после чего отрыгивал тошнотворную липкую массу в ротовое отверстие своей паучихи. Глен каждое утро пыталась убедить себя, что это розыгрыш, и столь кошмарные твари не могут считаться разумными. Однако пауки, хоть и были дикарями в сравнении с людьми, обгоняли уу– ан'кха развитием не меньше, чем те превосходили обезьян. Время от времени Яхтырлы задавала удивительно точные и лаконичные вопросы. Если б не языковой барьер...

Самый длинный разговор состоялся на пятую ночь пути, когда люди и аракара устроили привал в небольшой пещерке. Яхтырлы, как всегда, принялась молча массировать ноги своего паука, но внезапно обернула копьевидную голову и уставилась на спутников всеми глазами.

– Ваши враги кто? – спросила она.

Игон и Глен переглянулись.

– Такие как мы, – ответила девушка.

Паучиха обратила половину глаз к Бисту, продолжая следить за людьми боковым зрением.

– Вражда. Причина?

– Это трудно... сказать. Мало слов.

– Попытаться.

– Мы... – Глен оглянулась на Игона. – Мы иметь... правило. Большое правило, совсем правило. Нельзя лететь мир, где есть другие. Табу. Мы... Наш враг не знать про уу– ан'кха. Они прилететь, готовить новый дом. Потом прилететь мы, мы найти уу– ан'кха. Теперь, если мы говорить дом про уу– ан'кха, наш враг свой дом терять. Они решать помешать нам говорить.

– Другие есть везде, – заметила Яхтырлы. – Где можно дышать.

Глен покачала головой.

– Не звери. Такие, как мы... И как вы. Как уу– ан'кха.

Паучиха произнесла короткое неизвестное слово. Видя, что ее не поняли, она подняла переднюю ногу и указала на голову Биста потом на свою, потом на людей. Глен встрепелась.

– Мысль?

– Можно говорить так, – согласилась Яхтырлы.

– Она имеет в виду "разум" – подсказал Игон.

Глен кивнула.

– Очевидно... – обернувшись к паучихе, девушка спросила: – Вы... Видеть раньше нас? Таких, как мы?

– Нет, – коротко ответила Яхтырлы. – Других видеть. Много разных. Таких, как вы нет.

Глен с удивлением перевела разговор Игону. Тот едва не подпрыгнул.

– Спроси, они местные или нет?!

Девушка спросила. Паучиха некоторое время молчала, видимо подбирая слова.

– Есть много мир, – сказала она наконец. – Очень разный. Есть, где нельзя дышать совсем. Там никого нет. Есть, где нельзя дышать такие, как мы. Там есть другие. Есть, где можно дышать нам. Оттуда приходят [???].

– Враги? – предположила Глен.

Яхтырлы резко дернула крыльями.

– Обратно.

Девушка удивленно моргнула.

– Обратно? Обратно враг это... – тут она поняла. – У нас есть слово. "Друзья".
Обратно– враг и готов помочь. Да?

Паучиха сложила крылья.

– Можно говорить так.

– А вы из этот мир? – с замиранием сердца спросила Глен.

– Да, – коротко ответила Яхтырлы. – Этот мир наш.

Больше в ту ночь они не разговаривали, аракара явно устали. После этой беседы Игон принялся одну за другой строить теории о происхождении пауков. Он считал, что они возникли на Трое, и как-то – миллионы лет назад – были заброшены на

негостеприимный спутник. По словам геолога выходило, что даже на Земле есть редкие виды пауков, которые откладывают яйца, способные сохраняться в чудовищных условиях на протяжении десятков тысяч лет. Микроскопические яйца этих пауков находили в стратосфере, где они парили, поддерживаемые магнитным полем планеты. Так или иначе, полагал Игон, предки пауков на Трое остались зверьми, в то время как здесь, жестокие природные условия подстегнули развитие разума. К сожалению, Глен не знала достаточно слов уу– ан'кха, чтобы спросить Яхтырлы или Биста. Да и вряд ли на столь примитивном языке можно было выразить научную теорию.

На девятую ночь пути впереди показалась серая морская гладь. По мере того, как маленький отряд спускался с гор, температура воздуха непрерывно росла. Ночами люди задыхались от жары, Игону пришлось удвоить приток кислорода в респираторы. Тем самым запас воздуха сократился вдвое.

На вопросы, что случится в заливе, пауки неизменно отвечали "Мы отправим вас домой". Лишь в самом конце пути, Яхтырлы наконец проявила слабый намек на любопытство и сама затеяла разговор.

– Вы родились на Матери? – спросила паучиха, внезапно остановившись прямо на пути Глен. Та едва не споткнулась.

– Нет, – машинально ответила девушка.

– Где ваш дом?

Глен тяжело вздохнула, поправив ненавистный респиратор.

– Очень далеко. У другой... солнце.

Яхтырлы склонила копьевидную голову набок. Её шестнадцать глаз могли смотреть каждый в свою сторону, но сейчас все они были направлены на человека.

– Ты помнишь дом? Память. Видеть дом из памяти, как вода впереди?

При разговоре челюсти пауков не шевелились, а звук шел из дыхательных щелей по бокам шеи. Глен никак не могла к этому привыкнуть.

– Конечно, я помню дом, – отозвалась она.

– Твой самец? Он помнит?

Девушка вспыхнула, но вовремя взяла себя в руки.

– Он не мой самец. Помнить.

– Хорошо, – паучиха повернулась и продолжила свой путь.

Глен догнала ее несколькими прыжками.

– Зачем ты спросить?

– Память нужна, – неопределенно отозвалась Яхтырлы. – Без памяти нет полет дом.

Девушка невольно улыбнулась. Дикари всегда забавны, даже такие отвратительные.

– Вы хотите отправить нас дом? Совсем дом? – она указала на гигантский диск Трои, висевший над головой. – Не туда?

Яхтырлы остановилась и вновь обратила глаза к человеку.

– Мать закрыта, – коротко сказала паучиха. – Оттуда вы скоро уходить. Все вы.

Глен вздрогнула.

– Почему?

– Наши отцы обитать там, – Яхтырлы подняла хищную голову к небу. – Отцы нет страдать. Никогда. Закон. Никто мешать отцы.

Девушка в полном недоумении смотрела на аборигеншу.

– Я не понимать... – на самом деле она понимала, но пока отказывалась верить.

– Вы уметь летать... космос? Вы летать другой мир?

Паучиха нетерпеливо перебрала крыльями.

– Мы не летать. Мы – самун, самка, мы сидеть дом, рожать дети. Наши дети летать, много летать, много мир.

Она ткнула передними лапами в сторону человека.

– Память нужна. Без память нет полет. Сквуш... – Яхтырлы остановилась, на миг задумалась, видимо подбирая слово, – ...Такой, как вы, детеныш– пить– жидкость– мать, тоже летать. Можно без сложность. Похож мысль. Похож... кврув память.

Глен недоверчиво почесала зудящую кожу под респиратором.

– Но... Ваши дети летать другой мир? – она обернулась к Бисту, который, с трудом переставляя ноги, плелся далеко позади. – А он? Самец? Твой самец быть другой мир?

Повисла долгая, напряженная пауза. Яхтырлы почему-то медлила с ответом. Глен уже хотела извиниться, полагая, что случайно коснулась запретной темы, когда паучиха наконец заговорила.

– Мой самец умирать, – сказала она негромко. И голос впервые прозвучал не совсем механически, словно в мерзкой паучьей туше родилась эмоция. – Очень скоро умирать. Был хороший самец. Я должна быстро– быстро. Мне... – она произнесла незнакомое слово.

Глен замерла.

– Ты чувствовать? – спросила она тихо. – Чувствовать... плохо? Что он умирать?

– Да, – бросила Яхтырлы, резко отвернулась и продолжила скользить по камням.

Глен долго смотрела ей вслед. Поодаль, измученный Бист едва шевелил ногами, рядом с ним спокойно шагал Игон, о чем-то говорил, жестикулировал. Девушка впервые обратила внимание, что пурпурно– оранжевый окрас Биста заметно поблек.

– Игон, – Глен в несколько прыжков оказалась перед спутником и загородила ему путь. – Надо помочь этому пауку. Он умирает.

Геолог приподнял одну бровь.

– Что за чушь? – он деланно рассмеялся. – Паук просто устал, мы прекрасно болтаем...

– Он умирает, – резко оборвала Глен. – Помоги донести его до воды.

Игон запнулся.

– Взять паука на руки? – пробормотал он недоверчиво. – Глен, это плохая идея.

Девушка окинула напарника странным взглядом.

– Игон, это наш брат по разуму, – она кивнула на Биста, ковылявшего рядом. – Какая разница, на кого он похож?

Геолог раздраженно передернул плечами.

– Вот и тащи его сама.

Глен помолчала. Так ничего и не сказав, она догнала Биста и впервые дотронулась до его тела. Чуда не произошло: паук был холодным и очень противным на ощупь. Девушка стиснула зубы.

– Бист, – позвала она. – Остановись. Я помочь иди.

Паук повернул к ней голову:

– Я сам.

– Ты устал.

– Не главное.

"Не важно" – мысленно перевела Глен, и горько улыбнулась. Что за ирония... В этой смеси краба с тарантулом было больше от мужчины, чем в Игоне, брезгливо смотревшим на них издали.

– Стой. Я нести тебя к вода. Так сказать Яхтырлы.

Бист послушно остановился, но тут его ноги задрожали, разъехались, и он бессильно рухнул на камни. Глен заметила, что из дыхательных щелей сочится желтоватая жидкость.

Глубоко вздохнув, она склонилась над Бистом и рывком подняла его на руки. Паук оказался удивительно легким, или это гравитация сыграла шутку... Взвалив Биста на спину, Глен поудобнее перехватила его передние ноги и зашагала дальше, неся инопланетянина словно рюкзак.

Спустя пару минут ее догнал Игон.

– Давай помогу.

– Не надо, – в голосе Глен прозвучало столько презрения, что геолог молча отошел. Издали, с берега серого моря, за всем происходящим внимательно следила крылатая паучиха.

6

Бист едва дышал. Мне было горько и печально смотреть на его состояние. Я пахла горем.

– Не следовало нести столько пищи. Лучше бы я несла тебя.

Бист слабо подергал задними ногами.

– Не говори ошибочных слов. Детям нужна энергия.

– Детям нужно крепкое семя, – оборвала я резко. – Я не хочу потерять половину яиц в первое спаривание.

– Найди другого самца, – беспомощно предложил Бист.

Я чуть не укусила его от злости.

– Носитель вируса! – Эмоции шипели в груди. – Я обещала сделать тебя отцом моей первой кладки, и я сдержу обещание.

– Делай, как будет лучше для детей, а не для меня.

– Ты мне нравишься, – сказала я внезапно.

Бист замер.

– Нечеткая формулировка?

– Ты нравишься мне, как партнер. Я хочу ячейку.

Он отпрянул всеми ногами.

– Но... Я... За что?! – от страха у него посинели глаза. – Яхтырлы... Не лишай меня гнкр!

– Ты мне нравишься, – повторила я мрачно.

Бист задрожал.

– Прошу... Я с самого вылупления мечтал о гнкр, – он закрыл все левые глаза.

– Яхтырлы... Я работал на заводе, много оборотов, гораздо больше, чем другие самцы. Я стал шахтером, поскольку тяжелый труд укрепляет органы. Я даже занимался испытанием подводных лодок, на глубинах в сотни нешг!

– Разве ты не говорил, что всегда хотел стать вулканологом? – заметила я.

– Говорил... Я много говорил! – Бист в отчаянии дергал ногами. – Я работал как десять аракара, как сто аракара, я хотел получить крепкое семя сразу после мгнфар. Думал – крепкое семя привлечет самок...

– Правильно думал, – я щелкнула челюстями.

– Но я не хотел ячейку! – взмолился Бист. – Я хотел побыстрее спариться и получить гнкр! Все... Все самцы в моей кладке только и мечтали о гнкр...

– Что привлекает вас в гнкр?! – я гневно царапнула камни. – Потерять разум и стать зверем! Неспособным мыслить! Для меня это смерть! Я не хочу так умирать!

– Это не смерть... – Бист ласково погладил меня задними руками. – Это награда за боль. Яхтырлы, мы рождаемся в боли. Сотни оборотов, бесконечное время мы работаем под водой, строим машины, делаем аракара сильнее. Боль и рабский труд, больше ничего, день за днем! А ночами... Ночами мы всплываем на поверхность и

смотрим в небо, где сверкает прекрасное брюхо Матери. Место, где мы – те, кто отмучился – получаем заслуженный отдых.

Он так свирепо клацнул челюстями, что я даже отпрянула. Никогда не видела своего самца в подобном возбуждении.

– Для вас мгнфар – счастливая пора, когда аракара изменяются и выходят на воздух, – Бист напрягся и встал на ноги, покачиваясь от слабости. – А теперь посмотри на меня!

Я молчала. Бист требовательно заглянул мне под челюсти.

– Всеми глазами смотри!

– Смотрю.

– Кто ты под водой? – резко спросил Бист. – Слабое, беспомощное существо. Личинка. А я был зганом! Я строил машины, создающие планеты! И кто я теперь? Я не могу пройти жалкую дюжину нешг! Зато у тебя – крылья, сила, быстрое мышление. Ты умрешь через восемьсот оборотов, а я протяну меньше двадцати!

– Но без вас не будет аракара, – возразила я.

– Самец нужен лишь для спаривания. Один раз в оборот, – Бист горько изогнулся. – Остальное время я только мешаю тебе летать.

Он закрыл все глаза.

– Ты изучала млекопитающих. Помнишь, что происходит с ними, когда близится смерть?

Я молчала. Не дождавшись ответа, Бист резко бросил:

– Они стареют. Я старик, Яхтырлы. У меня была трудная, но интересная и яркая юность. Я не хочу мучаться долгие обороты, вспоминая о ней. Я хочу легкой жизни. Я её заслужил!

Некоторое время никто из нас не говорил.

– Мне будет больно думать о тебе после гнкр, – сказала я наконец. – Ты хочешь причинить мне боль?

– Да, – коротко ответил Бист. – Я тебя ненавижу.

– Успокойся, – тихо сказала Глен. – Это не наше дело.

Игон дрожал.

– Она его изуродовала!

– Мы ничего не знаем о них, Игон. На Земле, у многих видов пауков при спаривании самка поедает самца. Здесь еще не худший вариант.

– Здесь... – геолог резко обернулся. – Дура! Чего ты ждешь от этих тварей? Зачем потащила меня к морю?! Может, ты веришь, что они вернут нас на Трою?! В горах был шанс захватить челнок, а здесь мы обречены! Все из-за тебя!

– Мы ничего о них не знаем, – терпеливо повторила Глен. – Яхтырлы очень таинственное существо. Возможно, они более развиты, чем мы полагаем...

– Развиты? – Игон нервно рассмеялся. – Эти членистоногие?

– Да, эти членистоногие! – Глен взорвалась. – Совсем разучился мыслить? Взгляни на самца! Он с каждой минутой теряет окрас, и скоро станет совершенно белым. Только идиот вроде тебя мог до сих пор не догадаться, что за белые пауки обитают на Трое!

Она схватила Игона за плечо и рывком развернула к неподвижному Бисту, лежавшему на песке в луже фиолетовой крови.

– У аракара должен быть способ перемещения в космосе, – с трудом сдерживаясь, сказала Глен. – Очевидно, их самки после спаривания отправляют самцов на Трою, где те коротают свой век. Я не знаю, зачем их так уродуют, но в природе все имеет причину. Даже такая... любовь.

Игон вырвался.

– Любовь? – он оттолкнул девушку. – Что ты знаешь о любви, женщина! Тебе никогда не понять... – Игон скрипнул зубами. – Все вы, самки, только и мечтаете помыкать нами, воспользоваться и выбросить. Вы, все! Что вы знаете о любви? О чувствах?! Я работал как проклятый, много лет, и дослужился лишь до сраного мю–4, а ты переспала с какой-то шишкой и вуаля – уже гамма. Вам все достается легко, вы привыкли быть в центре внимания, наслаждаться нашими муками! Олени дерутся за

право продолжить род, гибнут, калечат друг друга, а вы, самодовольные, щиплете травку и ждете, выбираете, кого наградить случкой... Ненавижу... – он потянулся за бластером, висевшим на поясе Глен. – Дай мне оружие. Эта волосатая тварь изуродовала своего сородича и скоро примется за нас. Я не дам ей полакомиться человечинной.

Глен потрясенно взглянула на спутника.

– Ты сошел с ума?!

– Дай мне бластер, сука!

Он попытался выхватить оружие из кобуры на боку Глен, но та, внезапно, со всего размаху, вlepила Игону такую пощечину, что геолога отбросило на пару метров. Он упал на камни, судорожно стиснув горло. В стороне, медленно, как во сне, падал респиратор.

– О, боже... – Глен рухнула рядом с напарником. Схватила прибор, попыталась соединить порванный шланг. – Игон!

У него мутилось в газах. На уровне моря давление было гораздо выше, чем в горах, сказывалась малая гравитация спутника. Ядовитый воздух рвался в легкие.

– Дыши, мать твою! – кто-то прижал к его лицу респиратор. Игон судорожно вдохнул одуряюще вкусный, сочный кислород, и его скрутило в жестоком приступе тошноты. Глен на миг отняла респиратор, чтобы самой сделать вдох.

– Доигрался? – от ярости её трясло. – Доигрался, гей вонючий?!

Она вновь прижала маску к лицу Игона.

– Что дальше?! Что дальше, я тебя спрашиваю?!

В десятке метров от них тихо шипело пропитанное углекислым газом море. Океан минеральной воды. Серая равнина смерти. Краем глаза Глен заметила, как из моря выбралась проклятая паучиха, толкая передними ногами что-то вроде тележки с антеннами. На миг девушку захлестнуло непреодолимое желание выхватить бластер и поступить так, как хотел Игон, но она страшным усилием воли поборолa безумие.

– Причина драки? – спросила Яхтырлы, остановившись возле людей. Игон принялся что-то кричать, яростно размахивая кулаками, но Глен отняла респиратор, и геологу пришлось умолкнуть.

– Мы... умирать... скоро, – с трудом подбирая слова, выдавила девушка. – Уходи... Опасно...

Паучиха пощелкала челюстями.

– Лететь дом. Сейчас.

Глен дико расхохоталась. От хлорных испарений её глаза налились кровью, духота разъедала рассудок.

– Да... – она тряслась от смеха. – Мы... Сейчас... Лететь дом...

Яхтырлы, не тратя время на разговоры, молча подтащила свою тележку поближе и отцепила от нее толстый кабель с загнутой иглой на конце. Эту иглу она невозмутимо воткнула в ногу Игона. Геолог вскрикнул.

– Что ты делаешь?! – На миг Глен показалось, что Игон не ошибся в намерениях аракара. Но прежде, чем она успела выхватить бластер, паучиха нажала кнопку, и тело мужчины испарилось прямо у неё из рук. Комбинезон Игона беззвучно опал, кабель с иглой свалился на песок. Потрясенная Глен молча на это смотрела.

– Лететь домой, – повторила Яхтырлы. Подхватив кабель другой лапой, она воткнула иглу в бедро оцепеневшей девушки и протянула третью ногу к кнопке.

– Стой! – прохрипела Глен. Паучиха нетерпеливо дернула крыльями.

– Причина задержки?

– Он... Где?! На Земле?!

Яхтырлы смерила девушку шестнадцатью презрительными взглядами.

– Дикари, – сказала она и нажала кнопку.

– Спасибо, что одолжили кунф, – я тронула передней рукой молодого красно-коричневого згана. – Эти млекопитающие утомляют.

Зган ритуальным жестом сообщил о готовности служить старшим.

– Соберите кворум из шести городов. Я должна передать важные сведения, полученные от млекопитающих. Нам придется собрать в космосе оборонительный комплекс для охраны планет от дикарей на механических аппаратах.

Зган просигналил удивление и тревогу. Я успокоительно погладила его хвост.

– Пока ничего страшного. Пришельцы примитивны и не обладают гф. Однако, следует подготовиться к возможному появлению в будущем более развитых врагов, способных для обмана нашей защиты воспользоваться обитаемыми кораблями.

Я указала задней рукой на гнкр– Биста, неподвижно лежавшего на песке.

– Последний дом отцов должен быть безопасен и чист.

Жест понимания и полного одобрения. Я вновь погладила хвост згана.

– Разместите нашу кладку в инкубаторе ДЗ. Отец хотел, чтобы дети стали навигаторами.

Согласие и готовность помочь.

– Мне нужен новый самец, и быстро.

Зган жестами сообщил, что много юных самцов будут счастливы стать моими. Я еще раз взглянула на Биста, и странная эмоция подала голос в груди. Вероятно, я действительно привязалась к этому несносному нытику.

– Проведите полную терапию, – приказала я згану. – Прежде, чем отправить его на Мать. Я хочу, чтобы он был совершенно здоров и не испытывал боли.

"Никогда" – добавила я мысленно.

Мне никогда их не понять.

Эпилог

Поздно, о чем-то думать слишком поздно,
Тебе, я чувю, нужен воздух.
Лежим в такой огромной луже,
Прости меня, моя любовь...

Видеофон зазвонил поздно вечером. Игон долго не хотел отвечать, но в конце–концов назойливый сигнал поднял его из кровати. Если это опять журналисты...

Звонила Глен. Некоторое время они молча глядели друг на друга.

– Что тебе нужно? -заставил себя спросить Игон.

Она отвела глаза.

– Извиниться.

– За что?

– За многое.

– Если ты про тот удар, – геолог натянуто усмехнулся, -то синяки давно прошли. Мне предлагали подать на тебя в суд, но я послал того, кто это предложил в...

И тут его прорвало. Глен молча слушала поток слов. Игон кричал, бил кулаком об стол, едва не сломал видеофон. Наконец, ярость слегка отпустила, и раскрасневшийся геолог умолк, окатив бывшую напарницу испепеляющим взглядом.

– Выговорился? – спросила Глен.

– Ты... ты... – он в бешенстве схватил подушку и швырнул ее в стену. – Оставь меня в покое! Я уволился! Я больше не эмиссар! Меня бросил муж, в сети на каждом втором сайте ролик, как я голым появляюсь на заседании генеральной ассамблеи! Мне надоело решать чужие проблемы, у меня полно своих! Я хочу легкой судьбы! Я ее заслужил!

– Знаешь, я вообще-то позвонила не только чтобы извиниться.

Игон так стиснул кулаки, что костяшки пальцев побелели. Помолчал.

– Ну? – выдавил он после длительной паузы.

– Нас хотят снова отправить на Трою, – Глен смотрела в сторону. – Устанавливать контакт с пауками. Мы единственные специалисты по аракара.

– И ты... – Игон задохнулся. – Ты полагаешь... Что я полечу?!

– Я в этом уверена, – со вздохом призналась девушка.

Игон недоверчиво покачал головой.

– Я всегда считал, что даже женщинам присущ какой-то предел наглости, но ты...

– Игон, – она подняла взгляд. – На Трое проблемы. Похоже, правительство генерала собирается заселять южный материк, где обитают белые пауки.

Игон фыркнул.

– И что с того?

– Идиот! – Глен внезапно взорвалась. – Аракара более развиты, чем мы! Представь, что вместо голого лысого придурка, которому неизвестно зачем нужны мужские принадлежности, на Землю пришлют аннигиляционную бомбу или смертельный вирус!

Она с силой ударила кулаком по столу.

– Весь этот месяц ЭКОН пытался убедить хунту, что пауков трогать нельзя. Но проклятые солдафоны заявили, что мы с тобой – самозванцы, выдающие себя за эмиссаров Земли, и никаких разумных пауков на спутнике не существует, а Земля не имеет права вмешиваться в политику суверенной планеты Троя. Флот Экспедиционного корпуса доберется до них только через пять месяцев, за это время хунта успеет перебить всех аракара на планете! А что за этим последует, мне страшно даже думать. У нас полагают – генерал знает об аракара, и собирается развязать войну между ними и людьми. Он чертовски уверен в себе и ничуть не боится Экспедиционного корпуса.

Игон бессильно осел в кресле.

– Но... Туда же лететь больше полугода... – пробормотал он. – Зачем посылать нас? Что мы можем сделать?

– Ничего, – сухо ответила Глен. – Предотвратить войну мы не успеем. Нашей задачей будет убедить аракара, что не все люди похожи на генерала.

Она посмотрела в глаза бывшему спутнику.

– Корабль стартует через три дня. Я буду ждать в центре управления. Хоть раз поступи как мужчина, – экран погас.

Игон остался наедине с пустотой.